

Учебно-Научно Производственный Комплекс
Международный Университет Кыргызстана
Кыргызстан Эл Аралык Университети
Internatioanal University of Kyrgyzstan

Hackathon

Лабораторная работа №2

Тема: «Статья.»

Выполнила: студент группы ИСИТ-3-22 Рыспаева Мээрим

Проверила: ст. преподаватель кафедры “ КИС и У”

Наталья Викторовна Юст

Бишкек 2023

Лабораторная работа №2

```
<html>

    <body>

        <h1>Сказки</h1>

        <nav class="toc">
            <h1>Содержание:</h1>
            <ol>
<li><a href="#masha and bear">«Маша и Медведь»</a>
<li><a href="#aibolit and sparrow">«Айболит и воробей»
</a>
<li><a href="#hard, soft and sweet">«Твердышка, Мягушка и Сладышка»</a>
<li><a href="#city of verbs">«Город Глаголов»</a>
<li><a href="#rain">«Дождик» </a>
<li><a href="#brave dog">«Храбрая собака»</a>
<li><a href="#about Grandpa Samo">«Про дедушку Само»</a>
            </ol>
        </nav>

        <h1 id="#masha and bear">«Маша и Медведь»</h1>
        
```

Жили-были дедушка да бабушка. Была у них внучка Машенька.

Собрались раз подружки в лес – по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и Машеньку.

– Дедушка, бабушка, – говорит Машенька, – отпустите меня в лес с подружками!

Дедушка с бабушкой отвечают:

– Иди, только смотри от подружек не отставай – не то заблудишься.

Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот Машенька – деревце за деревце, кустик за кустик – и ушла далеко-далеко от подружек.

Стала она аукаться, стала их звать. А подружки не слышат, не отзываются.

Ходила, ходила Машенька по лесу – совсем заблудилась.

Пришла она в самую глушь, в самую чащу. Видит – стоит избушка. Постучала Машенька в дверь – не отвечают. Толкнула она дверь, дверь и открылась.

Вошла Машенька в избушку, села у окна на лавочку. Села и думает:

«Кто же здесь живёт? Почему никого не видно?..»

А в той избушке жил большущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил. Вернулся вечером медведь, увидел Машеньку, обрадовался.

— Ага,— говорит,— теперь не отпущу тебя! Будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить.

Потужила Маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке.

Медведь на целый день уйдёт в лес, а Машеньке наказывает никуда без него из избушки не выходить.

— А если уйдёшь,— говорит,— всё равно поймаю и тогда уж съем!

Стала Машенька думать, как ей от медведя убежать. Кругом лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого...

Думала она, думала и придумала.

Приходит раз медведь из лесу, а Машенька и говорит ему:

— Медведь, медведь, отпусти меня на денёк в деревню: я бабушке да дедушке гостинцев снесу.

— Нет,— говорит медведь,— ты в лесу заблудишься. Давай гостинцы, я их сам отнесу!

А Машеньке того и надо!

Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю:

— Вот, смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду!

— Ладно,— отвечает медведь,— давай короб!

Машенька говорит:

— Выйди на крылечко, посмотри, не идёт ли дождик!

Только медведь вышел на крылечко, Машенька сейчас же залезла в короб, а на голову себе блюдо с пирожками по ставила.

Вернулся медведь, видит — короб готов. Взвалил его на спину и пошёл в деревню.

Идёт медведь между ёлками, бредёт медведь между берёзками, в овражки

спускается, на пригорки поднимается. Шёл-шёл, устал и говорит:

— Сяду на пенёк, съем пирожок!

А Машенька из короба:

— Вижу, вижу!

Не садись на пенёк, не ешь пирожок!

Неси бабушке, неси дедушке!

— Ишь какая глазастая,— говорит медведь,— всё видит!

Поднял он короб и пошёл дальше. Шёл- шёл, шёл-шёл, остановился, сел и говорит:

— Сяду на пенёк, съем пирожок!

А Машенька из короба опять:

— Вижу, вижу!

Не садись на пенёк, не ешь пирожок!

Неси бабушке, неси дедушке!

Удивился медведь.

— Вот какая хитрая! Высоко сидит, далеко глядит!

Встал и пошёл скорее.

Пришёл в деревню, нашёл дом, где де душка с бабушкой жили, и давай изо всех сил стучать в ворота:

— Тук-тук-тук! Отпирайте, открывайте! Я вам от Машеньки гостинцев принёс.

А собаки почуяли медведя и бросились на него. Со всех дворов бегут, лают.

Испугался медведь, поставил короб у ворот и пустился в лес без оглядки.

— Что это в коробе? — говорит бабушка.

А дедушка поднял крышку, смотрит и глазам своим не верит: в коробе Машенька сидит — живёхонька и здоровёхонька.

Обрадовались дедушка да бабушка. Стали Машеньку обнимать, целовать, умницей называть. Жили-были дедушка да бабушка. Была у них внучка Машенька.

Собрались раз подружки в лес — по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и Машеньку.

— Дедушка, бабушка, — говорит Машенька, — отпустите меня в лес с подружками!

Дедушка с бабушкой отвечают:

— Иди, только смотри от подружек не отставай — не то заблудишься.

Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот Машенька — деревце за деревце, кустик за кустик — и ушла далеко-далеко от подружек.

Стала она аукаться, стала их звать. А подружки не слышат, не отзываются.

Ходила, ходила Машенька по лесу — совсем заблудилась.

Пришла она в самую глушь, в самую чащу. Видит — стоит избушка. Постучала Машенька в дверь — не отвечают. Толкнула она дверь, дверь и открылась.

Вошла Машенька в избушку, села у окна на лавочку. Села и думает:

«Кто же здесь живёт? Почему никого не видно?...»

А в той избушке жил большущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил. Вернулся вечером медведь, увидел Машеньку, обрадовался.

— Ага,— говорит,— теперь не отпушу тебя! Будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить.

Потужила Маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке.

Медведь на целый день уйдёт в лес, а Машеньке наказывает никуда без него из избушки не выходить.

— А если уйдёшь,— говорит,— всё равно поймаю и тогда уж съем!

Стала Машенька думать, как ей от медведя убежать. Кругом лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого...

Думала она, думала и придумала.

Приходит раз медведь из лесу, а Машенька и говорит ему:

— Медведь, медведь, отпусти меня на денёк в деревню: я бабушке да дедушке гостинцев снесу.

— Нет,— говорит медведь,— ты в лесу заблудишься. Давай гостинцы, я их сам отнесу!

А Машеньке того и надо!

Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю:

— Вот, смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду!

— Ладно,— отвечает медведь,— давай короб!

Машенька говорит:

— Выди на крылечко, посмотри, не идёт ли дождик!

Только медведь вышел на крылечко, Машенька сейчас же залезла в короб, а на голову себе блюдо с пирожками по ставила.

Вернулся медведь, видит — короб готов. Взвалил его на спину и пошёл в деревню.

Идёт медведь между ёлками, бредёт медведь между берёзками, в овражки

спускается, на пригорки поднимается. Шёл- шёл, устал и говорит:

— Сяду на пенёк, съем пирожок!

А Машенька из короба:

— Вижу, вижу!

Не садись на пенёк, не ешь пирожок!

Неси бабушке, неси дедушке!

— Ишь какая глазастая,— говорит медведь,— всё видит!

Поднял он короб и пошёл дальше. Шёл- шёл, шёл-шёл, остановился, сел и говорит:

— Сяду на пенёк, съем пирожок!

А Машенька из короба опять:

— Вижу, вижу!

Не садись на пенёк, не ешь пирожок!

Неси бабушке, неси дедушке!

Удивился медведь.

— Вот какая хитрая! Высоко сидит, далеко глядит!

Встал и пошёл скорее.

Пришёл в деревню, нашёл дом, где де душка с бабушкой жили, и давай изо всех сил стучать в ворота:

— Тук-тук-тук! Отпирайте, открывайте! Я вам от Машеньки гостинцев принёс.

А собаки почуяли медведя и бросились на него. Со всех дворов бегут, лают.

Испугался медведь, поставил короб у ворот и пустился в лес без оглядки.

— Что это в коробе? — говорит бабушка.

А дедушка поднял крышку, смотрит и глазам своим не верит: в коробе Машенька сидит — живёхонька и здоровёхонька.

Обрадовались дедушка да бабушка. Стали Машеньку обнимать, целовать, умницей называть.

<h1 id="aibolit and sparrow">«Айболит и воробей»</h1>

Злая-злая, нехорошая змея

Молодого укусила воробья.

Захотел он улететь, да не мог

И заплакал, и упал на песок.

(Больно воробышку, больно!)

И пришла к нему беззубая старуха,

Пучеглазая зелёная лягуха.

За крыло она воробышка взяла

И больного по болоту повела.

(Жалко воробышка, жалко!)

Из окошка высунулся ёж:

— Ты куда его, зелёная, ведёшь?

— К доктору, миленький, к доктору.

— Подожди меня, старуха, под кустом,

Мы вдвоём его скорее доведём!

И весь день они болотами идут,

На руках они воробышка несут...

Вдруг ночная наступила темнота,

И не видно на болоте ни куста,

(Страшно воробышку, страшно!)

Вот и сбились они, бедные, с пути,

И не могут они доктора найти.

— Не найдём мы Айболита, не найдём,

Мы во тьме без Айболита пропадём!

Вдруг откуда-то примчался светлячок,

Свой голубенький фонарик он зажёг:

— Вы бегите-ка за мной, мои друзья,

Жалко-жалко мне больного воробья!

II

И они побежали бегом

За его голубым огоньком

И видят: вдали под сосной

Домик стоит расписной,

И там на балконе сидит

Добрый седой Айболит.

Он галке крыло перевязывает

И кролику сказку рассказывает.

У входа встречает их ласковый слон

И к доктору тихо ведёт на балкон,

Но плачет и стонет больной воробей.

Он с каждой минутой слабей и слабей,

Пришла к нему смерть воробышная.

И на руки доктор больного берёт,

И лечит больного всю ночь напролёт,

И лечит, и лечит всю ночь до утра,

И вот – поглядите! – ура! ура! –

Больной встрепенулся, крылом шевельнул,

Чирикнул: чик! чик! – и в окно упорхнул.

‘Спасибо, мой друг, меня вылечил ты,

Вовек не забуду твоей доброты! ’

А там, у порога, толпятся убогие:

Слепые утятя и белки безногие,

Худой лягушонок с больным животом,

Рябой кукушонок с подбитым крылом

И зайцы, волками искусанные.

И лечит их доктор весь день до заката.

И вдруг засмеялись лесные зверята:

‘Опять мы здоровы и веселы! ’

И в лес убежали играть и скакать

И даже спасибо забыли сказать,

Забыли сказать до свидания!

<h1 id="hard, soft and sweet">«Твердышка, Мягушка и Сладушка»</h1>

Пошла старуха в лес по ягоды. Повстречалась ей медведица. Залезла старуха со страху на дерево, а медведица под деревом рычит:

– Эй, старуха! Слезай! Я тебя съем!

– Ой, не надо, медведица! Не ешь меня! Я старая-престарая! Приходи-ка лучше вечерком ко мне домой. Есть у меня три внучки. Три сестрички, три умницы. Первую

звать Твердушкой, вторую – Мягушкой, а самую младшенькую – Сладушкой! Какую из них выберешь, ту я тебе и отдам!

Оставила её медведица. Слезла старуха с дерева. И припустилась бегом, будто пару десятков лет скинула. Только на пороге дома дух перевела. Позвала скорей внучек в дом. Втроём они дверь крепко-накрепко заперли.

Среди ночи пришла медведица. Ногами затопала, в дверь лапами стучит:

- Эй, старуха! А ну подай мне сюда Твердушку!
- Твердышка большим камнем дверь подоткнула да сладко заснула!
- Старуха! Дай тогда Мягушку!!
- Мягушка наелась-напилась да рядом с Твердушкой спать улеглась!
- Старуха! Так подавай Сладушку!
- Сладушка спит подле Мягушки, Сладушка спит подле Твердушки. Сладушка у меня ох и умница, ох, и разумница! Она старую бабку уму-разуму научила – чтоб дверь покрепче заперла да в лес одна никогда не ходила!!!

<h1 id="city of verbs">«Город Глаголов»</h1>

В тридевятом царстве, в невиданном государстве находится царство Русского Языка. Проберемся мысленно туда.

На троне сидит Глагол в Повелительном наклонении, вокруг него стоят слуги короля – лентяи Глаголы в Условном наклонении.

Король приказывает: «Принесите мне мою мантию!» А слуги отвечают: «Принесли бы, да не выспались».

Так и течет время в этом городе.

<h1 id="rain">«Дождик»</h1>

Жил-был дождик. Косматый, длинноволосый дождь. Если он сердился, холодные пряди его мокрых волос хлестали людей по лицам, по глазам. До слез. Но люди не обижались, потому что когда дождик был в хорошем настроении, его мягкие, шелковистые волосы ласково касались ваших щек, рук, глаз, что-то шептали. И все-таки дождь был косматым и длинноволосым. И ему это надоело. .

– Постригусь, – решил дождик. – Не я первый, не я последний. Отправился к парикмахеру. А парикмахером, конечно, месяц-серп работал.

- Тебя как стричь? — спрашивает месяц. — Покороче или умеренно?
- Давай покороче. Постепенно отращу, если не понравится, — решил дождь.

Отрезал месяц-серп волосы дождика.

Вернулся стриженый дождик в свой город. Пока он бегал к месяцу, ничего хорошего в городе не случилось. Наоборот. Листья на деревьях потускнели, привяли. Цветы на клумбах лепестки опустили — вянут. Люди ходят серые, пыльные, вялые. Засыхают люди. Разволновался дождик.

- Сейчас, — говорит, — сейчас я вас всех быстренько полью, вам легче станет. Оживете сразу.

Люди, цветы, листья обрадовались. Ждут. Смеются. Дождь торопится, распустил волосы-струи, поливает.

— Ну же! — кричат люди.

— Жарко... — плачут цветы.

— Сохнем, — шелестят листья.

- Да что вы, — не понимает дождь. — Я же поливаю. Бьют короткие струи-волосы, но не достают даже до крыши самых высоких домов.

Сухо, все суще на земле. В пыль рассыпаются цветы, шуршат почти мертвые листья, молчат потерявшее веру люди.

- Да что же вы сохнете! — не понимает, сердится дождь. — Я же поливаю.

Старается, трясет короткими волосами. Не долетают подстриженные струи до сухой земли.

И тут только понял дождь, что он наделал. Понял, что, пока будут отрастать струи, погибнут цветы, листья, люди...

- Глупый я, беззаботный я, — плакал дождь. Плакал, плакал, плакал... И слезы его упали на землю. Поток слез. И встали цветы — ожили! И весело зашелестели листья — ожили! И вздохнули легко люди — ожили!

А дождику долго еще плакать — пока-то отрастут его волосы-струи

```
<h1 id="brave_dog">"Храбрая собака"</h1>

Собака, что лаешь?
```

— Волков пугаю.

— Собака, что хвост поджала?

— Волков боюсь.

<h1 id="about Grandpa Samo">«Про дедушку Само»</h1>

Где и когда жил дедушка Само — никто не знает.

Никакое дело из рук у него не валилось. Все мог.

Хорошо жил дедушка Само. Для людей. Не для всех, скажем, а только для честных. И особенно для тех, у кого руки не бездумно работали, а с головой совет держали. искали, что и как сделать, скорее, легче и лучше.

Увидит Само трудового человека — обязательно наградит.

Придет к нему, скажем, старику странничком или старушечкой-веселушечкой, а то и козлом пожалует или скворцом залетит. Ему что? Он даже свиристельным сверчком мог в дом заползти — счастье принести.

А счастье приносил он особенное. Трудовое. Рабочее.

Копает, скажем, старик землю лопатой. Из сил выбивается. Явится к нему дедушка Само и начнет тары-бары, раставбары... О том да о сем. А потом шепнет тайное слово лопате и скажет «Будь, как я». Только его и видели. Сорокой улетит или там паром растает. А лопата от этого самокопной станет. Сама по себе землю копает. Копает и куда надо откидывает.

У землекопа глаза на лоб лезут, а лопата за десятерых работает.

Или, скажем, рубит парень лес топором. Стремится. Свою силу пересилить хочет. Вдруг прилетит к нему дятел, сидет на топор да крикнет: «Будь, как я!» И нет дятла. А топор саморубным обертывается. Сам рубит. Только указывай, в каком месте рубить, какое дерево валить.

Так и во всяком деле.

Пала как-то лошадь, на которой рудобоев сын из горы руду на домну возил. Сгинуть семье. Не на что лошадь купить. И вдруг бездомная собака прибегает. Пролаяла что-то такое тяжкое, а потом тявкнула: «Будь, как я».

Глядит рудобоев сын — не стало собачки, а телега сама собой самоходно пошла. Даже приказывать не надо. Мысленно управляет. Куда замыслил человек — туда и поворачивает. Мало того, когда надо — сама с себя самовольно руду сваливает.

Много таких случаев в наших местах было. Где только появится дедушка Само, какому рабочему инструменту свое имя передаст — этот инструмент сам собой работать

начинает. Даже станки саморезные появились. Пилы самопильные. Лодки-самоходки. Печи-самоварки. Стой да приказывай. Печи сами шихту заваливают, сами выпуск стали производят.

На что корыто, в котором белье стирают, и то дедушка Само одной старухе самостирным сделал. Кидай только в него рубахи, а оно выстирает и отожмет.

И все бы хорошо было, коли б ржа топор да лопату не съедала, коли б гниль корыто не губила, коли б время печи не рушило, телеги не изъезжало.

Пришла пора – не стало дедушки Само. Износились его самосильные самоделы-самоходы. Некому было тайное слово сказать, «будь, как я» вымолвить. Осталась только сказка про дедушку Само. Эта – которую я говорю.

Долго она хорошей надеждой народ тешила, а с годами небылью обросла. Пустословицей стала. Редко-редко какой стариk другой раз навеселе ее внучатам перескажет. Один посмеется, другой не поверит, а третий в правое ухо впустит, в левую ноздрю выпустит.

Только не все внуки такими были. Нашлись ушастые да головастые. Думать стали, разговоры разговаривать.

– Не зря, – говорят, – в народе такая сказка жила. Для чего-то она сказывалась.

Охота стала головастым внукам самокопной лопатой покопать, на самоходной телеге поездить, на самоточном станке поточить.

Задумались молодцы.

Одни стали волшебное слово дедушки Само искать, а другие – самые головастые – в сказке подсказку увидели. Не стали тайного слова добиваться. Голову да руки к сказке-подсказке припрягли. И не ошиблись.

Сама собой лопата копать стала. Самопашные плуги в поле вышли. Без коня, без лошади. И мало того – летать начали. Самолетом летательную машину назвали. Самоточный станок самоточкой нарекли. Самобеглую коляску – самокатом. Самовязнью машину – самовязкой. Самосвальную машину – самосвалом... И только ли это? Многое другое именем дедушки Само начинается.

А в последнем сентябре первого ленинского столетия межпланетно-сверкательно имя дедушки Само к диволунному кораблю приставилось. Короче короткого, полнее полного он назывался.

Самовзлетным. Самопосадным. Самоуправляемым. Самобурильным. Самопогрузным. Саморазгрузным. Самовидящим. Самослушающим. Самоответчающим... И еще тридцать три прозвания, и каждое с именем Само начинается.

И сам Само съзнова зажил. Не одиночно. Не сказочно. Живыми учеными чудодеями зажил. В их силах теперь стало приказать «будь, как я» всему, что может стать беспрекословным прислужником человека и когда надо заместить его в любых постижениях как ввысь, так и вглубь и вширь...

Мудрость старой сказки про дедушку Само снова заговорила об освобождении рук человека от того, что непосильно им.

```
</body>
</html>
```

Сказки

Содержание:

1. [«Маша и Медведь»](#)
2. [«Айболит и воробей»](#)
3. [«Твердышка, Мягушка и Сладушка»](#)
4. [«Город Глаголов»](#)
5. [«Дождик»](#)
6. [«Храбрая собака»](#)
7. [«Про дедушку Само»](#)

«Маша и Медведь»

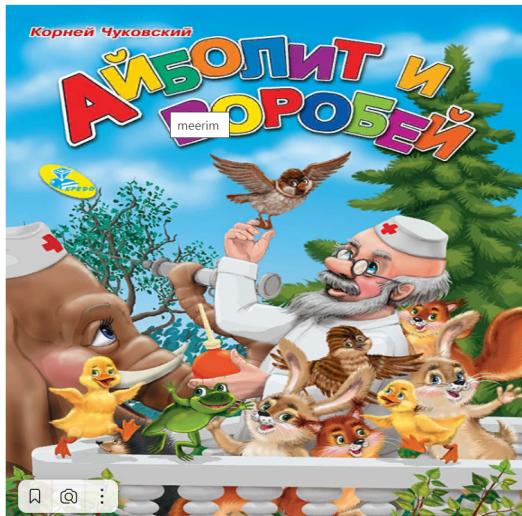
file:///C:/Users/user/Desktop/index78.html#city of verbs

Жили-были дедушка да бабушка. Была у них внучка Машенька. Собрались раз подружки в лес — по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и Машеньку. — Дедушка, бабушка, — говорит Машенька, — отпустите меня в лес с подружками! Дедушка с бабушкой отвечают: — Иди, только смотри от подружек не отставай — не то заблудишься. Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот Машенька — деревце за деревие, кустик за кустик — и ушла далеко-далеко от подружек. Стала она аукаться, стала их звать. А подружки не слышат, не отзываются. Ходила, ходила Машенька по лесу — совсем заблудилась. Пришла она в самую глушь, в самую чащу. Видит — стоит избушка. Постучала Машенька в дверь — не отвечают. Толкнула она дверь, дверь и открылась. Вошла Машенька в избушку, села у окна на лавочку. Села и думает: «Кто же здесь живёт? Почему никого не видно?...» А в той избушке жил большиущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил. Вернулся вечером медведь, увидел Машеньку, обрадовался. — Ага, — говорит, — теперь не отпущу тебя! Будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить. Потужила Маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке. Медведь на целый день уйдёт в лес, а Машеньке наказывает никаку без него из избушки не выходить. — А если уйдёшь, — говорит, — всё равно поймлю и тогда уж съём! Стала Машенька думать, как ей от медведя убежать. Кругом лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого... Думала она, думала и придумала. Приходит раз медведь из лесу, а Машенька и говорит ему: — Медведь, медведь, отпусти меня на денёк в деревню: я бабушке да дедушке гостиные снесу. — Нет, — говорит медведь, — ты в лесу заблудишься. Давай гостины, я их сам отнесу! А Машеньке того и надо! Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю: — Вот, смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду! — Ладно, — отвечает медведь, — давай короб! Машенька говорит: — Выйди на крылечко, посмотри, не идёт ли дождик! Только медведь вышел на крылечко, Машенька сейчас же залезла в короб, а на голову себе блондо с пирожками по ставила. Вернулся медведь, видит — короб готов. Взялши его на спину и пошёл в деревню. Идёт медведь между ёлками, бредёт медведь между берёзками, в овражки спускается, на пригорки поднимается. Шёл-шёл, устал и говорит: — Сяду на пенёк, съем пирожок! А Машенька из короба: — Вижу, вижу! Не садись на пенёк, не ешь пирожок! Неси бабушке, неси дедушке! — Иши какая глазастая, — говорит медведь, — всё видит! Поднял он короб и пошёл дальше. Шёл-шёл, шёл-шёл.

грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и машеньку. — дедушка, баюшка, — говорит машенька, — отпустите меня в лес с подружками! дедушка с баюшкой отвечают: — Иди, только смотри от подружек не отставай — не то заблудишься. Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот машенька — деревне за деревне, кустик за кустик — и ушла далеко-далеко от подружек. Стала она ухаться, стала их звать. А подружки не слышат, не отзываются. Ходила, ходила машенька по лесу — совсем заблудилась. Пришла она в самую глушь, в самую чащу. Видит — стоит избушка. Постучала машенька в дверь — не отвечают. Толкнула она дверь, дверь и открылась. Вошла машенька в избушку, села у окна на лавочку. Села и думает: «Кто же здесь живёт? Почему никого не видно?..» А в той избушке жил большиущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил. Вернулся вечером медведь, увидел машеньку, обрадовался. — Ага, — говорит, — теперь не отпуши тебе! будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить. Потужила маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке. Медведь на целый день уйдёт в лес, а машенька наказывает никуда без него из избушки не выходить. — А если уйдёшь, — говорит, — всё равно поймаю и тогда уж съём! стала машенька думать, как ей от медведя убежать. Кругом лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого... Думала она, думала и придумала. Приходит раз медведь из лесу, а машенька и говорит ему: — Медведь, медведь, отпусти меня на денёк в деревню: я бабушке да дедушке гостиццев снесу. — Нет, — говорит медведь, — ты в лесу заблудишься. Давай гостиццы, я их сам отнесу! А машенька того и надо! Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю: — Вот, смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду! — Ладно, — отвечает медведь, — давай короб! машенька говорит: — Вышли на крылечко, посмотри, не идёт ли дождик! Только медведь вышел на крылечко, машенька сейчас же залезла в короб, а на голову себе блокнот с пирожками поставила. Вернулся медведь, видит — короб готов. Взял его на спину и пошёл в деревню. Идёт медведь между ёлками, бредёт медведь между берёзками, в овражки спускается, на пригорки поднимается. Шёл-шёл, устал и говорит: — Сяду на пенёк, съем пирожок! А машенька из короба: — Вижу, вижу! Не садись на пенёк, не ешь пирожок! Неси бабушке, неси дедушке! — Ишь какая глазастая, — говорит медведь, — всё бы видит! Поднял он короб и пошёл дальше. Шёл-шёл, пёш-пёш, остановился, сел и говорит: — Сяду на пенёк, съем пирожок! А машенька из короба опять: — Вижу, вижу! Не садись на пенёк, не ешь пирожок! Неси бабушке, неси дедушке! Удивился медведь. — Вот какая хитрая! Высою сидит, далеко глядит! Встал и пополз скорее. Пришёл в деревню, нашёл дом, где лежала с бабушкиной жили, и давай из всех сил стучать по воротам: — Тук-тук-тук! Открывайте! Я вам от машеньки гостиццев принес. А собаки почтули медведя и бросились на него. Со всех дворовбегут, лают. Испугалась медведь, поставила короб у ворот и пустился в лес без оглядки. — Что это в коробе? — говорит бабушка. А девушка подняла крышку, смотрит и глазам своим не верит: в коробе машенька сидит — живёньяка и здоровёньяка. Обрадовались девушка да бабушка. Стали машеньку обнимать, целовать, умнички называть. Жили-были девушка да бабушка. Была у них внучка машенька. Собрались раз подружки в лес — по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и машеньку. — дедушка, баюшка, — говорит машенька, — отпустите меня в лес с подружками! дедушка с бабушкой отвечают: — Иди, только смотри от подружек не отставай — не то заблудишься. Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот машенька — деревне за деревне, кустик за кустик — и ушла далеко-далеко от подружек. Стала она ухаться, стала их звать. А подружки не слышат, не отзываются. Ходила, ходила машенька по лесу — совсем заблудилась. Постучала машенька в дверь — не отвечают. Толкнула она дверь, дверь и открылась. Вошла машенька в избушку, села у окна на лавочку. Села и думает: «Кто же здесь живёт? Почему никого не видно?..» А в той избушке жил большиущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил. Вернулся вечером медведь, увидел машеньку, обрадовался. — Ага, — говорит, — теперь не отпуши тебе! будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить. Потужила маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке. Медведь на целый день уйдёт в лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого... Думала она, думала и придумала. Приходит раз медведь из лесу, а машенька и говорит ему: — Медведь, медведь, отпусти меня на денёк в деревню: я бабушке да дедушке гостиццев снесу. — Нет, — говорит медведь, — ты в лесу заблудишься. Давай гостиццы, я их сам отнесу! А машенька того и надо! Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю: — Вот, смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду! — Ладно, — отвечает медведь, — давай короб! машенька говорит: — Выйди на

«Айболит и воробей»

Злая-злая, нехорошая змея Молодого укусила воробья. Захотел он улететь, да не мог И заплакал, и упал на песок. (Больно воробышку, больно!) И пришла к нему беззубая старуха, Пучеглазая зелёная лягушка. За крыло она воробышка взяла И больного по болоту повела.

Злая-злая, нехорошая змея Молодого укусила воробья. Захотел он улететь, да не мог И заплакал, и упал на песок. (Больно воробышку, больно!) И пришла к нему беззубая старуха, Пучеглазая зелёная лягушка. За крыло она воробышка взяла И больного по болоту повела. (Жалко воробышка, жалко!) Из оконшка высунулся ёж: — Ты куда его, зелёная, ведёшь? — К доктору, милицейский, к доктору. — Подожди меня, старуха, под кустом, Мы вдвоём его скорее доведём! И весь день они болтами шумят. На руках они воробышку несут... Вдруг ночная наступила темнота. И Н не видно на болоте ни куста. (Страшно воробышку, страшно!) Вот и сбились они, бедные, с пути. И не могут они доктора найти. — Не найдём мы Айболита, не найдём. Мы во тьме без Айболита пропадём! Вдруг откуда-то примицкала светличка. Свой голубенький фонарик он зажёг. — Вы бегите-ка за мной, моя дружица. Жалко-жалко мне большого воробья! И Н они побежали бегом. За его голубым огоньком И видят: вдали под сосновой Домик стоит распинской. И там на балконе сидит Добрый седой Айболит. Он галке крыло перевязывает И крылышку скажу рассказывать. У входа встречает их ласковый слово И к доктору тихо ведёт на балкон. Но плачет и стонет большой воробей. Он с каждой минутой слабей и слабей. Пришла к нему смерть воробышши. И на руки доктор большого берёт. И лечит большого всю ночь напролёт. И лечит, и лечит всю ночь до утра. И вот — поглядите! — ура! ура! Большой встрепенулся, крылом шевельнулся. Чиринкул: чик! чик! — и в окно упорхнул. «Спасибо, мой друг, меня вылечил ты. Вовек не забуду твоей доброты!» А там, у порога, толпятся утёгие: Слепые утёгие и белки безогонь. Худой лягушонок с большим животом, Райбок кукушонок с подогнутым крылом И зайчи, волкими искусаные. И лечит их воробей весь день до заката. И вдруг засмеялись лесные зверята: «Онтия мы здоровы и весели!» И в лес убежали играть и скакать. И даже спасибо забыли сказать. Забыли сказать до свидания!

«Твердушка, Мягушка и Сладушка»

«Твердушка, Мягушка и Сладушка»

Пошла старуха в лес по ягоды. Повстречалась ей медведица. Залезла старуха со страху на дерево, а медведица под деревом рычит: — Эй, старуха! Слезай! Я тебя съем! — Ой, не надо, медведица! Не ешь меня! Я старая-престарая! Приходи-ка лучше вечерком ко мне домой. Есть у меня три внучки. Три сестрички, три умницы. Первую звать Твердушкой, вторую — Мягушкой, а самую младшенькую — Сладушкой! Какую из них выберешь, ту я тебе и отдам! Оставила её медведица. Слезла старуха с дерева. И приптилась берегом, будто пару десятков лет скинула. Только на пороге дома дух перевела. Позвала скорей внучек в дом. Втрём они дверь крепко-накрепко заперли. Среди ночи пришла медведица. Ногами затопала, в дверь лапами стучит: — Эй, старуха! А не подай мне сюда Твердушку! — Твердышка большим камнем дверь подоткнула да сладко заснула! — Старуха! Даи тогда Мягушку!! — Мягушка наелась-наилась да рядом с Твердушкой спать леглась! — Старуха! Так подавай Сладушку! — Сладушка спит подле Мягушки, Сладушка спит подле Твердушки. Сладушка у меня ох и умница, ох, и разумница! Она старую бабку уму-разуму научила — чтоб дверь покрепче заперла да в лес одна никогда не ходила!!!

«Город Глаголов»

«Город Глаголов»

В тридевятом царстве, в невиданном государстве находится царство Русского Языка. Проберемся мысленно туда. На троне сидит Глагол в Повелительном наклонении, вокруг него стоят слуги короля — лентяи Глаголы в Условном наклонении. Король приказывает: «Принесите мне мою мантию!» А слуги отвечают: «Принесли бы, да не выпались». Так и течет время в этом городе.

«Дождик»

Жил-был дождик. Косматый, длинноволосый дождь. Если он сердился, холодные пряди его мокрых волос хлестали людей по лицам, по глазам. До слез. Но люди не обижались, потому что когда дождик был в хорошем настроении, его мягкие, шелковистые волосы ласково касались ваших щек, рук, глаз, что-то шептали. И все-таки дождь был косматым и длинноволосым. И ему это надоело. . — Постригусь, — решил дождик. — Не я первый, не я последний. Отправился к парикмахеру. А парикмахером, конечно, месяц-серп работал. — Тебя как стричь? — спрашивает месяц. — Покороче или умеренно? — Давай покороче. Постепенно отрацу, если не понравится, — решил дождь. Отрезал месяц-серп волосы дождика. Вернулся стриженый дождик в свой город. Пока он бегал к месяцу, ничего хорошего в городе не случилось. Наоборот. Листья на деревьях потускнели, привяли. Цветы на клумбах лепестки опустили — вянут. Люди ходят серые, пыльные, вялые. Засыхают люди. Разволновался дождик. — Сейчас, — говорит, — сейчас я вас всех быстрыенными пулью, вам легче станет. Оживете сразу. Люди цветы, листья обрадовались. Ждут. Смеются. Дождь горопится, распустил волосы-струи, поливает. — Ну же! — кричат люди. — Жарко... — плакут цветы. — Сохнем, — шелестят листья. — Да что вы, — не понимает дождь. — Я же поливаю. Бьют короткие струи-волосы, но не достают даже до крыши самых высоких домов. Сухо, все сушне на земле. В пыль рассыпаются цветы, шуршат почти мертвые листья, молча потерявшие веру люди. — Да что же вы сохнете! — не понимает, сердится дождь. — Я же поливаю. Старается, трясет короткими волосами. Не долетают подстриженные струи до сухой земли. И тут только понял дождь, что он наделал. Понял, что, пока будут отрастать струи, погибнут цветы, листья, люди... — Глупый я, беззаботный я, — плакал дождь. Плакал, плакал, плакал... И слезы его упали на землю. Поток слез. И встали цветы — ожили! И весело зашевелели листья — ожили!

И вздохнули легко люди — ожили! А дождiku долго еще плакать — пока-то отрастут его волосы-струи

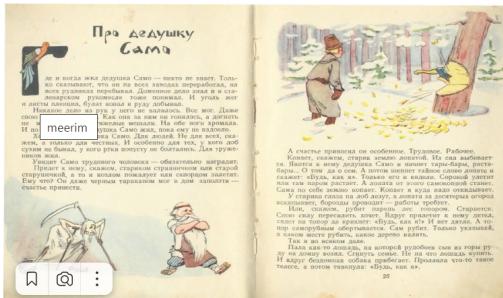
"Храбрая собака"

ХРАБРАЯ СОБАКА

Собака, что лаешь? — Волков пугаю. — Собака, что хвост поджала? — Волков боюсь.

«Про дедушку Само»

Где и когда жил дедушка Само — никто не знает. Никакое дело из рук у него не валилось. Все мог.

Хорошо жил дедушка Само. Для людей. Не для всех, скажем, а только для честных. И особенно для тех, у кого руки не бездумно работали, а с головой совет держали. Искали, что и как сделать, скорее, легче и лучше. Увидит Само трудового человека — обязательно наградит. Придет к нему, скажем, стариком странником или старушечкой-веселушечкой, а то и козлом покажут или скворцом залетит. Ему что? Он даже свирепствующим сверчком мог в дом заползти — счастье принести. А счастье приносил он особенное. Трудовое. Рабочее. Копает, скажем, старик землю лопатой. На санях вывозят. Тогда Само скажет: «Будь, как я!». И потом поспешил тайное слово лопате и скажет «Будь, как я!». Только его и видели. Сорокой углится или там паром растает. А лопата от этого самокопной станет. Сама на себе землю копает. Копает и куда надо откладывает. Или саморубым обертывается. Сам рубит. Только указывай, в каком месте рубить, какое дерево валить. Так и во всяком деле. Пала как-то лощадь, на которой рудобоеев сын из горы руду на донму возил. Сгинуть семье. Но на что лошадь купишь. И вдруг бездомная собака прибегает. Пролаяла что-то такое телеге, а потом тявкнула: «Будь, как я». Глядит рудобоеев сын — не стало собачки, а телега сама собой самоходно попала. Даже приказывать не надо. Мысленно управляет. Куда замыслил человек — туда и поворачивает. Мало того, когда надо — сама с себя самовольно руду сваливает. Много таких случаев в наших местах было. Где только появится дедушка Само, какому рабочему инструменту свое имя передаст — этот инструмент сам собой работать начнет. Даже станик саморезные появился. Пильы самопильные. Лодки-самоходки. Печи-самоварки. Стой да приказывай. Печи сами шихту заваливают, сами выпук выпук производят. На что корыто, в котором белье стирают, и то дедушка Само одной старухе самостирным сделал. Кидай только в него рубахи, а оно выстирает и

Где и когда жил дедушка Само — никто не знает. Никакое дело из рук у него не валилось. Все мог.

Хорошо жил дедушка Само. Для людей. Не для всех, скажем, а только для честных. И особенно для тех, у кого руки не бездумно работали, а с головой совет держали. Искали, что и как сделать, скорее, легче и лучше. Увидит Само трудового человека — обязательно наградит. Придет к нему, скажем, стариком странником или старушечкой-веселушечкой, а то и козлом покажут или скворцом залетит. Ему что? Он даже свирепствующим сверчком мог в дом заползти — счастье принести. А счастье приносил он особенное. Трудовое. Рабочее. Копает, скажем, старик землю лопатой. На санях вывозят. Тогда Само скажет: «Будь, как я!». И потом поспешил тайное слово лопате и скажет «Будь, как я!». Только его и видели. Сорокой углится или там паром растает. А лопата от этого самокопной станет. Сама на себе землю копает. Копает и куда надо откладывает. Или саморубым обертывается. Сам рубит. Только указывай, в каком месте рубить, какое дерево валить. Так и во всяком деле. Пала как-то лощадь, на которой рудобоеев сын из горы руду на донму возил. Сгинуть семье. Но на что лошадь купишь. И вдруг бездомная собака прибегает. Пролаяла что-то такое телеге, а потом тявкнула: «Будь, как я». Глядит рудобоеев сын — не стало собачки, а телега сама собой самоходно попала. Даже приказывать не надо. Мысленно управляет. Куда замыслил человек — туда и поворачивает. Мало того, когда надо — сама с себя самовольно руду сваливает. Много таких случаев в наших местах было. Где только появится дедушка Само, какому рабочему инструменту свое имя передаст — этот инструмент сам собой работать начнет. Даже станик саморезные появился. Пильы самопильные. Лодки-самоходки. Печи-самоварки. Стой да приказывай. Печи сами шихту заваливают, сами выпук выпук производят. На что корыто, в котором белье стирают, и то дедушка Само одной старухе самостирным сделал. Кидай только в него рубахи, а оно выстирает и не стало дедушки Само. Износились его самосильные самодельцы-самоходы. Некому было тайное слово сказать, «будь, как я» вымолвить. Осталась только сказка про дедушку Само. Эта — которую я говорю. Долго она хороший наследий народ тешила, а с годами небыльно обросла. Пустословицей стала. Редко-редко какой старик другой раз навеселе ее винчутам перескажет. Одни посмеются, другой не поверит, третий в правое ухо впустит, в левую ноздрю выпустит. Только не все внуки такими были. Нашлись ушастые да головастые. Думать стали, разговоры разговаривать. — Не зря, — говорят, — в народе такая сказка жила. Для чего-то она сказывалась. Охота стала головастым приставилось. Короче короткого, вполне полного он назывался. Самовзлетным. Самоподъемным. Самоподъемным. Самоуправляемым. Самобурильным. Самоногрузным. Самоизящим. Самослушающим. Самоотвечающим... И еще тридцать три прозвания, и каждое с именем Само начинается. И сам Само съзнала зажил. Не одиночно. Не сказочно. Живыми учеными чудодеями зажил. В их силах теперь стало приказать «будь, как я» всему, что может стать беспрекословным прислужником человека и когда надо заместить его в любых достижениях как вьсь, так и в глубь и вширь... Мудрость старой сказки про дедушку Само снова заговорила об освобождении рук человека от того, что непосильно им.